МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЭММА РУДКЕВИЧ

ИЗМЕНА МУЖА

Ты оставил меня без дома и денег, но твой инвестор выбрал меня!

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+ Содержит нецензурную брань

18+

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты оставил меня без дома и денег, но твой инвестор выбрал меня!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты оставил меня без дома и денег, но твой инвестор выбрал меня! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж оставил мне долги, заблокированные счета и пустую квартиру. Коллекторы пришли ночью, а на заводе, которому я отдала годы, аннулировали пропуск.Игорь решил, что я подпишу всё, лишь бы выжить. Но он не учёл одного: я знаю производство лучше него.Влиятельный инвестор Артём предлагает шанс вернуться к работе и раскрыть махинации мужа. Только его помощь тоже превращается в испытание — он привык контролировать чужие решения.Пока предатель угрожает моей матери и пытается уничтожить доказательства, я должна вернуть себе имя, деньги и свободу.А ещё разобраться, можно ли доверять мужчине, который сначала видит во мне выгодный актив. И научиться любить заново.

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 16
Глава 6 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Марина Ветрова, Эмма Рудкевич Измена мужа. Ты оставил меня без дома и денег, но твой инвестор выбрал меня!

Глава 1

Ночная смена пахла нагретым металлом и старой смазкой. Я выдохнула, чувствуя, как гудят мышцы шеи, и потянулась за ключами от машины. Пятница. После смены особенно хотелось домой. Мне тридцать два, семь лет я замужем за Игорем и до сегодняшней ночи считала наш дом тихой гаванью. Я думала о горячем душе, о тишине нашей квартиры на четвертом этаже, где он уже ждал меня с ужином. Он всегда ждал. Говорил, что без меня ему скучно.

Я поднималась по лестнице, считая ступени привычным счетом: тринадцать до пролета, двадцать шесть до этажа. Ключ вошел в замочную скважину легко, но дверь не открылась. Изнутри её подпирало что-то тяжелое. Толкнув плечом, я сдвинула заваленный у порога шкафчик, шагнула внутрь и замерла.

Тишина была оглушающей. Не той уютной, домашней тишиной, а вакуумной, давящей на уши. Полки были пусты. Висящий шкаф разворочен. На кухне стоял только мусорный пакет с обрывками чеков. И записка на столешнице, придавленная единственной оставленной кружкой.

«Ты подписала договор поручительства, не читая мелкий шрифт. Замок на двери меняю. Не звони».

Руки затряслись так сильно, что бумага выпала. Холодный шок сковал горло, перехватив дыхание. Я схватила телефон, пальцы скользили по экрану, пока я набирала его номер. Занято. Потом еще раз. Абонент недоступен. Мысль работала туго, как заржавевший механизм: «Игорь? Мой муж? Тот, кто целовал мне макушку перед уходом?»

В этот момент в дверь забарабанили. Не вежливо, коротко, а тяжело, кулаком. Бам. Бам.

— Открывай, хозяйка! — голос был хриплым, чужим.

Я отпрянула от двери, сердце заколотилось в ребра. Это сон. Просто плохой сон после смены. Но когда удар повторился, и ручка двери дернулась вниз, страх стал физическим, липким комком в животе. Я бросилась к входной двери, пытаясь повернуть задвижку, но она заела.

Дверь распахнулась с грохотом. Передо мной стояли двое. Крупные, в дешевых кожаных куртках, с лицами, выбитыми жизнью и злобой. Один держал в руке планшет, второй — пачку бумаг. Они даже не смотрели на меня как на человека. Как на объект, который нужно оценить и забрать.

— Марина Валерьевна? — спросил тот, что повыше. Его глаза скользнули по моей грязной спецовке, по растрепанным волосам. — Игорь Сергеевич просил передать. Долг висит на тебе. Поручитель есть поручитель.

— Что происходит? — мой голос сорвался на визг. — Где Игорь? Верните мои вещи!

Высокий усмехнулся, обнажив желтоватые зубы.

— Твой муж оплатил услуги по выселению. А мы тут, чтобы оформить акт приема-передачи имущества. Или заплатишь наличными прямо сейчас. У тебя есть пять минут.

Он шагнул вперед, оттесняя меня к стене. Запах от него шел тяжелый, табачный, с примесью дешевого одеколона. Я попыталась закрыть дверь, упершись спиной в холодное полотно, но второй здоровяк грубо схватил меня за плечо. Боль пронзила лопатку.

— Не сопротивляйся, женщина. Будет хуже.

Мой мозг лихорадочно перебирал воспоминания. Месяц назад. Машина. Игорь сидел напротив меня в гостиной, его лицо было напряженным, но глаза блестели тем самым странным блеском, который я раньше принимала за азарт новой покупки. «Просто поставь подпись, Маринка. Кредит на авто, я буду платить сам. Ты же знаешь, я все решаю». Я подписала. Не читая. Я верила ему. Слепо, дурацки, потому что боялась остаться одна, боялась потерять эту стабильность.

А теперь второй сжал мои пальцы поверх ручки, которую сунул мне в ладонь.

— Акт подпиши. Добровольно всё передала, ясно? Не заставляй пальцы ломать.

Денег на их требования у меня не было. От слова «добровольно» хотелось кричать.

— Я ничего вам не должна! — крикнула я, вырываясь.

Они переглянулись. Высокий достал из кармана складной ножик, щелкнул им. Лезвие блеснуло в тусклом свете прихожей.

— Тихо ты. Подпиши и свободна. Или будем искать ценники на твоих шмотках.

Страх смешался с яростью. Я ударила ногой по голени второго коллектора. Он рыкнул, но не выпустил меня. Я рванулась к выходу, толкнула первого парня в грудь. Он отшатнулся, потеряв равновесие. Секунда. Только секунда. Я вылетела из квартиры и рванула дверь за собой. Из прихожей донёсся удар и звон стекла — упала оставленная на стене картина.

Я бежала вниз по лестнице, спотыкаясь о собственные ноги, не чувствуя боли. На улице было темно и холодно. Октябрьский ветер бил в лицо, мокрый и злой. Машину коллекторов я увидела у подъезда. Стекла тонированы. Внутри мелькнуло лицо Игоря. Оно отвернулось. Он знал. Он сидел там и наблюдал.

Машина тронулась, набирая скорость. Я побежала за ней, крича, но голос глох в гуле мотора. Свет фар исчез за углом. Я осталась посреди двора, тяжело дыша, с пустыми руками и ледяным ужасом внутри.

«Завод». Единственное место, где я могла найти защиту. Там были охранники, коллеги, начальство. Игорь не мог перекрыть мне доступ туда. Я развернулась и побежала к проходной.

Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Я добежала до ворот, прижимаясь к турникету, пытаясь приложить пропуск. Красный сигнал. Мигание.

— Пропуск аннулирован, — равнодушно сказал охранник Петрович. Старый, уставший человек, который никогда не любил меня, но и не ненавидел. Сейчас в его глазах читалось лишь скука.

— Пусти! — взмолилась я, хватая его за рукав бушлата. — Там мои документы, моя жизнь! Игорь... это ошибка!

Петрович аккуратно, но твердо оттолкнул мою руку.

— Приказ сверху, Марина. Начальник цеха. Сказано: не пускать. Даже в туалет.

Начальник цеха. Игорь. Он не просто уехал. Он вычеркнул меня из реальности. Завод, который был моим вторым домом, превратился в клетку. Стены закрылись. Я обернулась, ища глазами окно в кабинете, свет в котором мог бы дать надежду. Но кабинет был темным.

Я вышла на улицу. Телефон вибрировал в кармане, но я не отвечала. Знакомые, коллеги, подруги — все они могли задать вопросы, на которые у меня не было ответов. А главное — у меня не было денег.

Я подошла к ближайшему банкомату. Руки дрожали, когда я вставляла карту. Экран мигнул красным: «Карта заблокирована». Попробовала другую. То же самое. Третью. Четвертую. Все счета заморожены. Причину блокировки экран не объяснял. Я вспоминала слова коллекторов о поручительстве, и красная надпись казалась приговором.

Вокруг шли люди. Женщина с коляской смеялась в телефон. Парень покупал кофе, расплачиваясь наличкой. Они жили. Они дышали теплом. А я стояла у стекла, чувствуя, как холод проникает сквозь ткань спецовки, впивается в кости. Голод начал скрести внутри, пустой и злой. Я не ела с обеда.

Телефон пискнул. Заряд 5%. Экран погас; сколько ни нажимала кнопку, больше не загорался. Я сунула бесполезный аппарат в карман. Даже позвонить теперь не могла.

Глава 2

Я побрела обратно к заводским воротам. Там, за периметром, шла стройка нового цеха. Бытовки. Старые вагончики, где летом рабочие прятались от дождя, а зимой — от ветра. Может, там можно переночевать? Хотя бы присесть.

Я обошла территорию по периметру, пробираясь через приоткрытые аварийные ворота для техники. Темнота была плотной, как вата. Я видела только силуэты строительных лесов и желтые огоньки фар тяжелой техники.

У самой дальней бытовки, той, что стояла отдельно от остальных, горел свет. Дверь была приоткрыта. Внутри слышался приглушенный разговор и звон стекла.

Я остановилась, колеблясь. Это рискованно. Там могли быть такие же коллекторы. Или воры. Но ноги сами понесли меня к крыльцу. Холод пробрал до мозга костей, пальцы окоченели, губы синели.

Дверь бытовки открылась сама собой. Нет, ее придерживал чей-то силуэт. Высокий мужчина в дорогом пальто, несмотря на строительную пыль вокруг. Рядом с ним стояли еще двое, в деловых костюмах, но с военной выправкой.

Он посмотрел на меня. Спокойно. Без осуждения, без жалости. Просто оценивающе. Его взгляд скользнул по моей грязной форме, по синякам на руках (следы от хватки коллекторов), по мокрым ботинкам.

— Замерзла? — спросил он. Голос был низким, бархатным, но в нем чувствовалась сталь.

Я хотела сказать «нет», хотела соврать, чтобы сохранить остатки достоинства. Но горло перехватило спазмом. Я только кивнула.

Он не сказал «заходи». Он просто сделал шаг назад, освобождая проход. Жест был властным, хищным. Как будто он открывал клетку для зверька, которого хотел изучать.

Я вошла. Внутри было тепло. Пахло дорогим табаком и кожей. Мужчина закрыл за мной дверь. Щелчок замка прозвучал громче выстрела.

— Артём, — представился он, хотя я не спрашивала имени. Он уселся на старый продавленный диван, жестом приглашая сесть напротив.

— Марина, — выдохнула я, опускаясь на край табуретки. Ноги не держали.

Артём наливал чай из термоса в пластиковый стаканчик. Его движения были точными, экономными. Ни лишнего жеста.

— Кто организовал цирк с долгами? — спросил он, не поднимая глаз от чая.

Я вздрогнула. Это не был вопрос спасителя. Это был вопрос инвестора, проверяющего надежность актива.

— Мой муж. Игорь.

Артём поднял глаза, не переспросив ни имени, ни должности. Я посмотрела на ещё не налитый стаканчик. Откуда он знал про Игоря?

— Игорь — мелкая сошка, — тихо сказал Артём. — Он исполнитель. А заказчик... заказчик хочет видеть тебя на дне. Чтобы ты стала удобной.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри умирает последняя капля веры в случайность. Меня выбрали. Меня разделали. Меня выкинули, как мусор, чтобы потом подобрать и использовать.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила я, голос дрожал от злости, которая начинала греть лучше любого огня.

Артём протянул мне стаканчик. Горячий чай обжег пальцы, возвращая ощущение жизни.

— Потому что ты нужна мне живой. И злой.

Я взяла чай. Руки тряслись, но я не пролила ни капли. Я сделала глоток. Горький, крепкий вкус разлился по телу. И в этот момент, глядя на запястье Артёма, я увидела часы.

Тонкие, золотые, с характерным дефектом ремешка — надорванным справа. Те самые часы, которые Игорь «потерял» месяц назад, когда говорил, что проиграл их в казино. Те самые, которые я подарила ему на годовщину свадьбы, купив на барахолке.

Ложь вспыхнула в голове, как молния. Часы не терялись. Они переходили из рук в руки. Долг был не ошибкой. Долг был приманкой.

Артём заметил мой взгляд. Он не отвел глаз. Он улыбнулся уголками рта — холодно, опасно.

— Узнала?

Я сжала стаканчик так, что пластик хрустнул.

— Ты знал.

— Я знаю всех, кто стоит на этой шахматной доске, Марина, — ответил он, откидываясь на спинку дивана. — Вопрос только в том, кем ты хочешь стать. Пешкой, которую сбрасывают с поля, или игроком, который начинает новую партию.

За окнем бытовки завывал ветер, сотрясая стены. Игорь был где-то там, в тепле, в безопасности, думая, что победил. Но я чувствовала, как ледяная ярость, рожденная в этой маленькой комнате, становится крепче любой стали. Я допила чай. Оставила стаканчик на полу.

— Я хочу играть, — сказала я.

Артём кивнул. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. Или голод.

Дверь за спиной скрипнула. Я смотрела на пустой стаканчик у своих ног. О том, как вернуться в квартиру, думать уже не могла — перед глазами стояло лицо Игоря в машине. Зачем Артёму мои показания и чьи часы он заберёт следующими, я пока не знала. Но осталась: сейчас мне нужен был человек, которого Игорь боялся.

После ухода Артёма я так и не уснула. Лежала, свернувшись калачиком под тонким ватным одеялом, и слушала, как гудит трансформаторная будка за стеной бытовки. Гудение это было моим единственным коконом безопасности после того, как Игорь выгнал меня на мороз. Внутри пахло пылью, старым железом и чужим потом — здесь ночевали разнорабочие, но сейчас все они куда-то исчезли.

Гул сменился скрежетом шин по гравию. Потом тишина. И вдруг — голос, усиленный мегафоном до хрипоты и искажения.

— Найди её, суку! Она должна быть где-то тут!

Игорь. Его голос пробирался сквозь стены, лез под кожу, вызывая тошноту от страха. Тело одеревенело. Инстинкт кричал: «Забейся под стол, стань мебелью». Но разум, обостренный до предела, подсказывал другое: здесь я мишень. Здесь нет замков, которые он не смог бы выбить.

Дверь вагончика содрогнулась от удара. Металл жалобно заскрипел.

— Открывай, Марина! — рявкнуло снаружи. — Знаем, что ты внутри! Долги сами себя не вернут!

Удары следовали один за другим, частые, ритмичные, как молот по наковальне. Петли ходили ходуном. Я вцепилась в край одеяла, чувствуя, как пальцы дрожат так сильно, что не могут удержать ткань. Окно было узким, с сеткой, но оно выходило на задний двор, заваленный строительным мусором. Это был единственный путь.

Один мощный удар, и дверная ручка слетела вместе с куском металла. Сквозь щель просунулась монтировка.

Время остановилось. Я увидела стекло — маленькое, закопанное грязью окно напротив. Не думая, я схватила тяжелый стул и швырнула его в раму. Стекло брызнуло осколками, острые грани впились мне в предплечье, когда я протискивалась наружу. Боль была резкой, горячей, она прогнала оцепенение. Я вывалилась во тьму, царапая живот о кирпичную кладку фундамента, и побежала.

Но темнота не спасла. Два силуэта ждали у выхода из трубы отопления. Один из них, высокий и грузный, схватил меня за волосы. Голову дернули назад, шея хрустнула, глаза наполнились слезами от боли. Второй тянулся к моему карману куртки, где лежал телефон. Там остался номер Артёма — я успела сохранить его, пока заряжала телефон в бытовке. Если отнимут аппарат, я даже этого номера не вспомню.

— Отдай! — прохрипел он, впиваясь ногтями мне в запястье.

Я не чувствовала рук, только звериный ужас потери последнего шанса. И тогда я сделала то, чего никогда раньше не делала. Я развернулась всем телом, игнорируя боль в шее, и вцепилась зубами в предплечье захватчика. Вкус соли и меди заполнил рот. Он взвыл, ослабив хватку. Я вырвалась, ныряя в клубы пара, идущие от старых труб. Я знала этот завод лучше, чем свой собственный дом. Каждый люк, каждый тупик. Я бежала вслепую, ориентируясь на запах железа и сырости.

Фары автомобиля вспыхнули позади, ослепляя. Собака? Нет, лай людей, грубый и злой. Они были быстрее меня, но я была меньше. На поворотах между цехами я выигрывала несколько шагов: им приходилось останавливаться, чтобы проверить проходы, а мне — нет. Легкие горели огнем, ноги налились свинцом. Куртка мешала, цеплялась за выступы. Вытащив телефон из кармана, я сунула его за пояс. Сорвала куртку с плеч, оставшись в легкой рубашке, и метнула в сторону: пусть хоть на секунду отвлекутся на движение. Затем увидела дренажный люк, прикрытый лишь досками. Спрыгнула вниз, в черную жижу, которая поглотила меня до пояса.

Там, в трубе, пахло гнилью и мазутом. Темнота была абсолютной. Сверху, через решетки и бетонные перекрытия, доносились голоса.

— Игорь сказал, если не найдешь живую, найди мертвую. Главное — подписать расписку кровью или печатью трупа.

— А если она уже сдалась Артёму?

— Артём — инвестор. Ему нужны чистые активы, а не женские истерики. Если она там, он её сдаст ради своей сделки. Никто не будет рисковать репутацией из-за какой-то жены начальника цеха.

Я прижалась спиной к холодной стенке трубы, стараясь дышать бесшумно. Холод проникал сквозь ткань, сковывая мышцы. Клаустрофобия подступала комом к горлу, хотелось закричать, но я глотала слюну, запоминала каждое слово. Долги были теперь мелочью. Это было заказное убийство. Или похищение с целью принуждения. Игорь перешел черту, которую я даже не подозревала в нем. Он готов убить.

Глава 3

Вода начала прибывать. Дождь снаружи усиливался, превращаясь в поток. Уровень поднимался быстро: в низком участке трубы вода уже доходила мне до груди, а когда поскользнулась — до шеи. Дрожь сотрясала всё тело, зубы стучали так, что болели челюсти. Сознание начало уплывать, становилось вязким и серым. «Сдохнуть здесь? Под этим заводом, как крыса?»

Нет.

Я заставила себя двигаться. На ощупь, цепляясь за стыки трубы и подтягиваясь вперед, к слабому дуновению воздуха у лица. Сквозняк вел к выходу. Каждый метр давался ценой невероятного усилия. Руки срывались с мокрых стен, ноги барахтались в воде. Я видела перед собой только темноту, но чувствовала жизнь, упрямую и злую, которая отказывалась гаснуть.

Выход оказался блокирован. Колючая проволока, натянутая поверх старого ограждения, поблескивала в луче света, пробивающемся из лесополосы. Проволока перекрывала просвет между трубой и ограждением. Под водой остался бы только обратный путь — туда, где меня искали. Я ударила ладонью по сетке и тут же отдёрнула её от шипов. Игорь мог и не знать об этой преграде. От этого она легче не становилась.

Слова про мёртвую женщину наверху вспоминались с каждым вдохом. Назад я не пойду. Пусть порву одежду, пусть кожу, но выберусь. Я снова взялась за проволоку, на этот раз осторожнее.

Я посмотрела на свои руки. Ткань рукава была пропитана водой и кровью. Оторвала от низа рубашки две полосы ткани и обмотала предплечья, чтобы упереться ими в проволоку. Затем полезла. Проволока впивалась в плечи, в спину, оставляя длинные порезы. Я не обращала внимания. Я скрипела зубами, тянулась вперед, вырывая клочья одежды и кожи, но двигаясь. Шаг за шагом. Метр за метром. Боль стала фоном, шумом, который заглушал мысли.

Наконец, я вывалилась в мокрую траву. Небо над головой было черным, низкие облака висели тяжело, как вата. Я лежала на животе, задыхаясь, чувствуя, как кровь стекает по спине, смешиваясь с дождевой водой. Руки тряслись, но я подняла голову.

Вдалеке, на проселочной дороге, ведущей к воротам завода, горели фары. Белый, ровный свет служебного внедорожника медленно объезжал периметр. Машина остановилась. Свет фар упал на мои окровавленные руки, лежащие в грязи. За лобовым стеклом я различила Артёма. Машина стояла, а я всё ещё лежала в грязи. Видел ли он, откуда я выползла? Хотелось махнуть рукой, но я вспомнила золотые часы. Поднялась на локти и отползла из света фар, к деревьям. Сейчас я боялась и тех, кто гнал меня, и того, кто обещал помочь.

На третью ночь ветер так свистел в ушах, что я закрывала их ладонями. Я шла по обледенелой обочине, где асфальт сменился серым месивом из грязи и снега, и каждый шаг отбирал последние силы. Октябрьский холод здесь не прощал слабости. Он жрал её заживо.

Мои руки, синие от холода, дрожали мелкой, противной дрожью. Пальцы почти не чувствовали кончиков перчаток, которые я стащила из мусорного бака у завода. Внутри гаражного кооператива «Автозаводской» пахло ржавчиной, бензином и чем-то сладковатым — плесенью. Двери боксов были закрыты на амбарные замки, но дверь одного бокса держалась на честном слове, приоткрытая на пару сантиметров. Тьма внутри густая, как смола. Страх парализовывал ноги: там могли быть крысы, бомжи или те самые коллекторы. Но снаружи подмораживало, а во мне оставалось тепла ровно на полчаса. Если я останусь здесь, я умру до утра. Если войду внутрь — есть шанс пережить ночь.

Я толкнула дверь плечом. Ржавые петли взвизгнули, эхом разлетевшись по пустому пространству. В нос ударил запах затхлости и старого металла. Света не было, только лунные лучи пробивались сквозь щели в крыше, освещая пыльные полки и брошенные инструменты. Я шар-

кала ногами, пока не наткнулась на верстак. На нём, среди гаек и кусков арматуры, блеснуло что-то жестяное.

Консервы. Шпроты. Старая, вздутая банка с облупившейся этикеткой.

Желудок свело спазмом такой силы, что я едва не согнулась пополам. Голова пошла кругом, перед глазами поплыли черные пятна. Я схватилась за край верстака, чтобы не упасть. Руки тряслись так сильно, что банка выскользнула и звякнула о бетонный пол. Я подняла её, снова попыталась подцепить кольцо на крышке... Пальцы отказывались слушаться. Холод проникал под рубашку, высасывая остатки энергии.

Тогда я сделала то, чего никогда бы не позволила себе раньше. Поднесла холодную жестянку к лицу. Зажала кольцо зубами и дернула крышку, удерживая банку обеими руками. Боль пронзила челюсть, десны заныли, но крышка поддалась. Из-под отогнутой крышки хлынул рыжий жир. Запах рыбы был тошнотворным, жирным, прелым. Я не стала искать ложку. Мне стало стыдно даже в темноте, где никто не видел. Я просто начала есть. Вылизывала шпроты прямо из жестянки, давясь, кашляя, глотая мелкие кости вместе с кровью из порезанных губ. Масло текло по подбородку, губы щипало от соли. Я вытерлась рукавом и снова наклонила банку: после каждой проглоченной рыбки чуть меньше кружилась голова.

Внезапно за дверью скрипнул снег. Шаги. Тяжелые, размеренные. Фонарик выхватил из тьмы силуэт охранника. Он остановился, свет полоснул по моему лицу, но я уже нырнула за старый станок, втянув голову в плечи. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Охранник хмыкнул, посмотрел в мою сторону, но не заметил меня, скрытую тенями. Он лишь повернулся к соседнему боксу, чья дверь была чуть распахнута. Оттуда тянуло теплом и слабым желтым светом. И он оставил эту дверь открытой. Случайность? Или подарок судьбы?

Я не думала. Я поползла туда, на четвереньках, через заснеженный проход между боксами, чувствуя, как влага пропитывает колени штанов.

Соседний бокс был сухим. Здесь стоял масляный обогреватель, тихо гудящий в углу, и старая дерматиновая кушетка. На столе лежали сигареты и пачка печенья «Юбилейное». Я взяла печенье. Оно крошилось в пальцах, приторно-сладкое, с запахом ванили и жира. Но прежде чем съесть, я замерла. Вор. Я становлюсь вором. Игорь отрезал меня от всего, что осталось дома: вещей, документов, денег. А теперь я краду еду у незнакомого человека.

Я сняла с шеи единственную ценность, которая осталась после обыска дома — золотую цепочку с крестиком. Тонкую, дешевую, купленную на первую зарплату. Я положила её на стол рядом с печеньем. Сделка. Еда за память о том, какой я была три дня назад. Женой, хозяйкой, человеком с будущим.

Первые два печенья пошли тяжело. Желудок, привыкший к голоду, отвергал еду. Тошнота подкатила к горлу комком слизи. Я запивала водой из найденной под столом бутылки, чувствуя, как вода размывает сахар во рту. На третьем печенье меня вывернуло. Я метнулась в угол, где стояло ведро, и блеванула желчью. Холодный пот мгновенно окропил тело, пробирая до костей. Слабость накрыла волной, тяжелая и вязкая. Если я сейчас потеряю сознание, меня найдут. Меня выбросят обратно на улицу, где я сдохну через час.

«Встань», — приказала я себе. Голос звучал чуждо, хрипло. Я опиралась на стену, покачиваясь. В аптечке на стене нашлась упаковка активированного угля. Я разжевала две таблетки и запила водой. Во рту хрустел уголь. Я обняла бутылку, чтобы не уронить её, и дождалась, пока стены перестанут качаться.

Глава 4

Телефон, который я всё ещё держала за поясом, завибрировал. Достала его, придерживая рубашку, чтобы не уронить аппарат. Экран подсветился тусклым зеленым светом. Сообщение от Артёма: «Координаты бытовки проверены. Ты там?»

Я смотрела на строки, и пальцы не слушались. Лгать опасно. Но сказать правду — значит показать слабость. Инвестору нужна полезная пешка, а не больная бездомная собака. Я набрала дрожащими пальцами: «В безопасности. Жду инструкций». Отправила. Ложь разъедала изнутри сильнее, чем голод. Я чувствовала себя предательницей самой себя, но это была цена выживания.

Усталость навалилась свинцом. Я легла на кушетку, натянув на себя пыльную рабочую куртку хозяина бокса. Телефон переложила в её карман. Пахла она машинным маслом и потом, но грела. Глаза закрылись сами собой. Сон пришел быстро, густой и тревожный. Мне снился дом. Белый кафель в ванной, запах свежего кофе, который варил Игорь по утрам. Смех. Тепло рук.

Звук открывающейся двери разорвал сон в клочья.

Резко, грубо. Кто-то вошел в бокс. Не один. Я услышала тихий разговор двух голосов, приглушенных масками или капюшонами, и еще один голос. Знакомый до боли, до тошноты. Голос Игоря.

— ...найти надо, братцы. Она тут где-то шастала.

— Да ну её нахуй, шеф. Может, сбежала уже.

— Она не сбежит. У неё ни гроша, ни документов. Она как крыса, забилась в нору.

Голос Игоря был мягким, ленивым. Тем самым тоном, которым он обычно говорил перед тем, как сделать что-то ужасное. Я соскользнула с кушетки в угол за перегородкой и замерла, затаив дыхание. Кушетка находилась в глубине бокса, отделенная от входа тонкой пластиковой перегородкой. Перегородка скрывала меня от входа, но не запиралась. Стоило им обойти её — и прятаться было бы негде.

— Марина? — крикнул Игорь, но не громко. Почти игриво. — Ты же не дура, чтобы сидеть в этом дерьме. Так и сдохнешь где-нибудь в лесу. А долг... долг мы спишем на твоё отсутствие. Никто не узнает.

Смех. Два коротких, лающих звука от его спутников. Затем шаги ближе к перегородке. Игорь начал обыск. Он переворачивал коробки, шарил по полкам. Я слышала, как он дышит, как шелестит бумага. Он искал следы. Он знал, что я здесь.

Шаги остановились совсем рядом. Прям у моего укрытия.

Игорь сделал шаг к кушетке. Его рука скользнула по простыне. Я видела его тень через щель в пластике. Он коснулся ткани, где я только что лежала.

Простыня была теплой.

Игорь умолк. Я не видела его улыбки, но ленивого смешка больше не слышала. Тишина повисла густая, убийственная. Игорь медленно повернул голову к щели в стене, ведущей в мой угол. Сквозь щель я различала только поворот его головы. Теперь он смотрел в мой угол.

Он не закричал. Не ударил. Он просто прошептал своим людям, голосом, от которого кровь стынет в жилах:

— Она здесь. Не шумите. Возьмите её живой. Я хочу посмотреть ей в глаза, прежде чем она потеряет сознание.

За перегородкой я задержала дыхание. Пока Игорь шептал своим людям, с другой стороны оставался узкий проход между кушеткой и стеной. Я проползла по нему вдоль стены. Когда они повернулись к кушетке, выскользнула из-за перегородки и добралась до входа, при-

жимая чужую рабочую куртку к груди. За боксами оглянулась только раз, натянула куртку и побежала вдоль заборов.

Теперь пальцы не слушались. Суставы болели, спичечный коробок выскальзывал из ладони. Я сидела на корточках у ржавой бочки из-под солярки, пытаясь развести огонь из обломков паллет. Одна спичка погасла, не успев коснуться щепы. Вторая сломалась между пальцами, когда я сильнее сжала её. Третья... третья просто упала в грязь.

Холод здесь был живым существом. Он заползал под тонкую куртку, кусал за уши, высасывал тепло из живота. Зубы стучали так сильно, что болели челюсти. Лихорадка уже гуляла по телу, смешиваясь с голодом в одну тошнотворную симфонию. В мусорном баке рядом я нашла черствую корку хлеба, покрытую плесенью и какой-то жирной жижей. Мне было плевать. Я отгрызла кусок, жесткий, как камень, и начала жевать. Слюна во рту стала густой, вязкой. К горлу подкатила волна желчи, но я заставила себя проглотить этот комок стыда.

Игорь прав. Я слабая. Я всегда была слабой. Подписывала бумаги, не читая мелкого шрифта. Молчала, когда он унижал меня при людях. Терпела, когда он забирал зарплату. А теперь я вот тут, в грязи гаражного кооператива «Автозаводской», ем плесневый хлеб, потому что мой муж решил сделать из меня бомжа ради собственной выгоды. Слезы потекли по щекам, горячие и противные. Слёзы капали на корку. Я вытирала лицо рукавом, а они текли снова. На заводе я могла остановить линию одним звонком; здесь не могла даже зажечь три спички. Игорю хватило записки и двух людей, чтобы выгнать меня из собственной жизни.

Внезапно свет фар ударил мне прямо в глаза. Белые, режущие лучи, от которых зрение вспыхнуло красным пятном. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. Игорь? Его люди? Коллекторы, которые обещали переломать мне ноги, если я не найду пятьсот тысяч до утра?

Из машины вышел человек. Высокий, в темном пальто, которое стоило больше, чем моя годовая зарплата на заводе. Не Игорь. Игорь никогда бы не выбрал такую марку автомобиля — он предпочитал дешевые седаны, чтобы не выделяться. Чёрный внедорожник остановился у боксов. Через тёмные стёкла салона ничего не было видно, двигатель работал тихо.

Артём. Инвестор. Тот самый человек, который напоил меня чаем в бытовке. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на меня сверху вниз — без ярости, без торжества, просто оценивая ущерб, как инженер осматривает трещину в несущей стене перед сносом здания.

— Марина, — произнес он. Голос был ровным, без интонаций жалости. Это пугало больше крика. Жалость подразумевает человечность, а его взгляд говорил о расчетах.

Я попыталась встать, но колени подогнулись, и я снова села в грязь. Холод парализовал тело. Артём сделал шаг ближе, и я инстинктивно сжалась, ожидая удара. Он остановился. Посмотрел на мои дрожащие руки, на корку хлеба, зажатую в кулаке. Потом молча открыл заднюю дверь джипа. Внутри пахло кожей и дорогим парфюмом — сандал и что-то металлическое, холодное.

— Иди сюда, — сказал он. Не спросил. Приказал. Но так тихо, что это звучало почти как просьба.

Я не могла идти. Ноги отказывались служить. Артём не стал тянуть меня за руку. Он просто наклонился, взял на руки, как ребенка, и посадил на сиденье. Его руки были сильными, твердыми, но не агрессивными. Он закрыл дверь, оставив снаружи всю мою нищету, весь мой страх.

Сиденье было теплым. От него исходило такое мягкое, обволакивающее тепло, что я чуть не завыла. Артём сел рядом на заднее сиденье, повернувшись ко мне боком. Из кармана переднего кресла он достал термос и пакетик с носовыми платками.

— Пей понемногу, — он поставил термос мне на колени и придержал, пока я не взялась за него обеими руками. — Не спеши. Пакет вот здесь, если затошнит.

Я с трудом повернула крышку термоса. Она щелкнула, выпуская облачко пара. Бульон. Горячий, наваристый, с кусочками мяса и моркови. Запах ударил в голову сильнее любого наркотика. Я сделала глоток. Тепло разлилось по желудку, проникая в конечности, размораживая кровь. Я пила, давясь, захлебываясь, чувствуя, как жизнь возвращается в тело капля за каплей. Артём смотрел в окно, давая мне пространство, не вторгаясь в мой момент слабости. Это странное уважение к моему позору сбивало с толку.

Машина тронулась. Мы выехали из гаражей на пустынную дорогу. Город спал, освещенный тусклыми фонарями провинциального заводского поселка. Но водитель свернул не к центру, а в сторону элитного жилого комплекса «Заречье». Охранник на въезде узнал номер машины и поднял шлагбаум, даже не глядя на меня.

За воротами мир изменился. Чистые улицы, аккуратные газоны, подсвеченные кусты. Тишина, нарушаемая лишь шелестом шин. Я чувствовала себя чумой, которую занесли в храм. Мои джинсы, порванные на колене, куртка, пахнущая гарью и помоями, мои грязные волосы — всё это выглядело оскорбительно среди стерильной красоты этих домов.

Артём заметил мой ступор. Он не обернулся, но его голос прорезал тишину салона:

— Не дыши глубоко. Там нет яда. Только пыль. И она смывается водой.

Он протянул руку и накрыл мои пальцы своей ладонью. Большая, сухая ладонь согрела мои пальцы. На секунду задержался, передавая тепло, и тут же убрал руку. Этот жест был одновременно поддерживающим и дистанцирующимся. Мне хотелось снова взять его за руку. Вместо этого я крепче обхватила термос: просить ещё одного прикосновения было страшнее, чем пить перед ним.

Глава 5

Мы подъехали к трехэтажному коттеджу с огромными окнами. Свет внутри не горел. Артём открыл ключом входную дверь, и нас встретил запах свежести и холода. Внутри было минималистично: стекло, металл, бетон. Ни одной личной вещи. Ни фотографий на стенах, ни книг на полках, ни валяющихся игрушек. Идеальная пустота. Холостяцкая берлога хищника.

Я замерла на пороге, боясь наступить на белое ковровое покрытие своими грязными ботинками. Чувство собственной загрязненности стало физически ощутимым. Я хотела отойти назад, в машину, обратно в свою грязь.

Артём снял пальто, аккуратно повесил его на крючок. Посмотрел на меня.

— Душ в конце коридора, слева. Полотенца и халат там же, рубашка на спинке стула. Бери, она чистая. И закрой потом окно в ванной, а то простынешь ещё сильнее.

Он развернулся и пошел в кабинет, оставив меня одну в этой стерильной клетке. Я медленно стянула с ног ботинки. Каждый шаг к ванной был испытанием. Я боялась оставить след. Боялась нарушить правила этого мира. Но нужда была сильнее страха.

Вода была горячей, почти обжигающей. Я стояла под струями, смывая с кожи три дня ужаса, голода и унижения. Мыло пахло кедром и лимончиком. Когда я вышла, завернутая в большое махровое полотенце, в зеркале отражалась незнакомка: бледная, с синяками под глазами, но живая. Чистая.

На спинке стула лежала белая хлопковая рубашка. Мужская. Размер XL. Она пахла свежестью и тем самым парфюмом Артёма. Я натянула ее. Рукава были длинными, ткань скрывала худобу моих плеч. В ней я чувствовала себя защищенной и одновременно обнаженной. Она была слишком большой, чужой, но такой теплой.

Выйдя в коридор, я увидела Артёма. Он сидел за большим столом из массива дерева, просматривая документы на планшете. Синий свет экрана озарял его лицо, делая черты жесткими, угловатыми. Он не поднял глаз, когда я вошла.

— Ты знаешь, почему я тебя подобрал? — спросил он, все еще глядя в экран.

Мое сердце сжалось. Сейчас начнется. Сейчас он потребует оплату. Сексом или предательством друзей. Или просто скажет, что я ему не нужна, и выставит на улицу.

— Не из милосердия, — добавил он, наконец откладывая планшет в сторону и поднимая глаза.

В них не было тепла. Только холодный, расчетливый интерес.

— Подпись похожа на подделку, — сказал он. — Наклон букв другой. Это ещё нужно проверить по оригиналу. Я думаю, Игорь подделал твой автограф в договоре поручительства. Но мне нужны доказательства того, что он действовал по указке директоров завода. Старая администрация саботировала модернизацию оборудования, списывая убытки на твои якобы ошибки в техпроцессе. Ты инженер. Ты знаешь, где лежат оригиналы актов списания и скрытые серверы с перепиской.

Тишина в комнате стала звенящей. До меня дошло. Он перечислял акты и серверы, а я всё ещё стояла босиком в чужой рубашке. На рукаве проступила кровь из царапины. Вот о чём он хотел говорить после гаражей: где лежат бумаги. Я прижала рукав к запястью и отвела взгляд от планшета.

Гордость вскипела внутри, обжигая горло сильнее бульона. Я могла уйти. Прямо сейчас. Вернуться в ночь, к коллекторам, к Игорю, к смерти в канаве. Лучше умереть свободной, чем жить в золотой клетке, будучи использованной вещью.

Но ноги не слушались. Голова кружилась от сытости и безопасности. Артём видел мою борьбу. Он встал и придвинул ко мне планшет. На экране был контракт консультанта. Высокая ставка. Полная юридическая защита. Условия работы удаленно.

— У тебя два пути, — произнес он тихо, нависая надо мной. Его лицо было совсем близко. Я чувствовала дыхание, видела каждую морщинку вокруг глаз. — Вернуться к Игорю и умереть, когда он закончит игру с деньгами казино. Или остаться здесь, есть мою еду, спать под моей крышей и помочь мне уничтожить систему, которая тебя сломала.

Он положил рядом стилус. Металлический, тяжелый, блестящий в свете лампы.

— Решай сама. Только не рассчитывай, что Игорь оставит тебя в покое. Ты слишком умна, чтобы быть жертвой, и слишком горда, чтобы вернуться к палачу.

Я посмотрела на стилус. Потом на Артёма. В его глазах читалась опасность. Он был опаснее коллекторов, опаснее Игоря. Он знал все карты. Он контролировал доску. Но он также давал мне меч.

Я потянулась к стилусу. Пальцы сомкнулись на холодном металле. На этот раз я прочитала условия, провела стилусом вниз по странице и вернулась к оплате. Цифра не изменилась. Только тогда прижала кончик к полю подписи. Артём ждал, не торопя.

— Где Игорь прятал черные схемы? — спросил Артём, его голос стал тише, почти шепотом. — Начнём с этого. Пока он не понял, что ты готова говорить.

Стилус лежал в моей руке, блестящий и холодный, как скальпель. Я подвинула планшет обратно. Порезанный палец оставил след на стекле.

— В кабинете цеха, — сказала я. — Только к архиву меня больше не пустят.

Мрамор под босыми ногами был ледяным. Не просто холодным — он высасывал тепло из ступней, словно живая плоть, голодная и нетерпеливая. После ночи в коттедже Артёма я стояла посреди гостиной предоставленной мне служебной квартиры и чувствовала себя не хозяйкой, а инородным телом, которое кто-то случайно занёс в стерильную операционную.

Здесь пахло ничем. Ни пылью старых ковров, ни Игоревым перегаром, ни даже моим собственным страхом. Только химией, дорогим кондиционером для воздуха и тишиной, от которой звенело в ушах. Белые стены давили на виски. Огромные окна выходили на заводскую трубу, дымящую в серое небо, но здесь, за толстым стеклом, мир казался декорацией, снятой со сцены после спектакля.

Я прошла к тумбочке у дивана. Пальцы скользнули по гладкой поверхности. Внутри лежала старая записная книжка в кожаном переплете. Тонкая, потертая. Я открыла её наугад. Строки были написаны мелким, почти чертежным почерком: даты, суммы, имена директоров. Ничего личного. Никаких стихов, никаких признаний. Только сухие факты. На одной странице я узнала фамилию Игоря. Дальше читать не стала. Если Артём оставил книжку нарочно, он узнает, что я открывала ящик. Если забыл — я уже залезла в чужие дела. Оба объяснения заставили меня захлопнуть переплёт.

Вернула книжку в ящик. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Голод скручивал живот тупой, ноющей болью, переходящей в спазмы. На кухне, на острове из черного гранита, стояла тарелка. Запеченная рыба, рис, зелень. Всё ещё тёплое. Аромат лимона и специй ударил в нос так сильно, что во рту мгновенно собралась слюна.

Я подошла ближе. Еда выглядела идеально. Слишком идеально. Как корм для элитного животного, которого держат в чистоте ради выставочного вида. «Если ты возьмешь это, — шептал внутренний голос, тонкий и злой, как лезвие бритвы, — ты согласилась быть его игрушкой. Ты продала своё достоинство за ужин».

Голод сильнее стыда. Он всегда побеждает. За три дня жизни среди гаражей, когда приходилось грызть сухари, найденные в кармане старой куртки, эта мысль казалась абсурдной роскошью. Сейчас она была реальностью.

Взяла тарелку и вилку и села на пол, спиной к холодной стене. Руки дрожали так, что вилка звякала о фарфор. Я ела молча, быстро, не пережевывая, глотая комьями, чтобы не дать себе времени передумать. Слёзы текли сами собой, капая в рис. Они были горячими и солеными, единственное теплое, что осталось в этом мире. Я плакала от бессилия, от унижения

того, что меня нужно спасать, от ярости на то, что я позволяю этому случиться. Вилка скребла по тарелке. Я старалась не смотреть на аккуратный стол, за который так и не решилась сесть.

Когда доела, вытерла рот рукавом чужой рубашки. Встала и поплелась в ванную. Зеркало над раковиной показало чужую женщину. Синяки на скулах, темные круги под глазами, худоба, из-за которой щеки впали. Грязь въелась в ногти, кожа на руках обветрилась и шелушилась. Я не видела инженера Марины. Я видела бродягу.

Повернула кран. Вода хлынула ледяной струей. Мыло в диспенсере пахло резкой химией, полотенце было жестким, как наждачка. Я терла кожу до красноты, смывая грязь вместе с памятью о ночи в лесу, о страхе, о том, как Игорь написал в записке: «Ты подписала договор поручительства, не читая мелкий шрифт! Замок на двери меняю!»

Глава 6

И тут мой взгляд упал на раковину. Там, у края раковины, лежал мой телефон с разбитым экраном. Я оставила его здесь, когда умывалась. Теперь он светился.

Я схватила его. Экран светился. Батарейка была заряжена. В доме Артёма я наконец смогла зарядить его.

Телефон завибрировал в руке, выпрыгивая из пальцев. Звук в этой стерильной тишине показался взрывом. Я включила громкую связь, потому что руки отказывались слушаться.

— Марина, ты жива? — Голос был мужской, спокойный, почти ласковый. Он проникал под кожу, вызывая мурашки. — Я слышал шум в бытовке. Тебе нужна помощь?

Я узнала этот голос. Это не был коллектор. Это не был Игорь. Это был один из охранников завода, тех, кого Игорь купил месяц назад. Но почему он знает, где я? Откуда он знает, что я была в бытовке три дня назад?

— Больше не звоните, — прошептала я, но голос сорвался на хрип.

— Ты там одна? — спросил он, игнорируя мой приказ. — Артём сказал, что ты в безопасности. Но мы знаем правду. Игорь ищет тебя. У него есть доступ к камерам.

Связь оборвалась. Гудки. Длинные, монотонные, как пульс в висках.

Я уставилась на чёрный экран и выключила громкую связь. Откуда у этого человека сведения об Артёме? Он мог лгать, чтобы выманить меня. Мог знать правду. Я прошла к двери и проверила замок ещё раз.

Вечер наступил незаметно. Свет за окном угас, уступив место тусклому городскому неону. Я легла на диван, свернувшись калачиком. Сон пришел быстро, но принес с собой кошмар.

Мне снился дом. Не тот, где мы жили последние пять лет с Игорем, пропахший табаком и долгами. А маленький деревянный домик в деревне, где я училась в школе. Пахло молоком и свежескошенным сеном. Игорь сидел на веранде, смеясь, и протягивал мне руку. «Маринка, пошли гулять», — говорил он. И я шла, потому что тогда я верила, что любовь — это безопасность.

Проснулась от холода. Пот стекал по спине, липкий и неприятный. В комнате царил сумрак. Я села, чувствуя ломоту в костях. На журнальном столике, где утром лежала пустота, теперь стояла папка с документами. Мой контракт уже был подписан; должно быть, это задание по работе.

Я потянулась к ней, но пальцы наткнулись на что-то другое. Фотография, лежавшая поверх бумаг.

Это был снимок крупным планом. Я. Спящая под одеялом в бытовке. Лицо искажено гримасой боли, губы синие от голода. Дата на углу: три дня назад. Время: 03:15 утра.

Комната поплыла перед глазами. Кто снимал меня в бытовке? Почему фотография лежала поверх рабочих бумаг? Я перевернула её, надеясь увидеть хоть пометку. Оборот был чист. Всё, что я помнила про неподвижную машину у трубы, вернулось разом. Хотелось позвонить Артёму и потребовать ответа, но я боялась услышать, что ждать было частью его плана.

Стук в дверь раздался ровно через час. Резкий, требовательный. Я не успела одеться, накинула только халат Артёма, который висел в гардеробе. Открыла.

На пороге стоял курьер в форме службы доставки премиум-класса. В руках коробка.

— Для Марины Волковой, — сказал он сухо, протягивая коробку. — Подпись не требуется.

Приняв коробку, я закрыла дверь, не дожидаясь новых слов.

Я отнесла коробку в спальню. Внутри, в слоях дорогой ткани, лежало платье. Черное, из тяжелого шелка, с глубоким вырезом и длинным рукавом. Рядом — туфли на высокой шпильке, блестящие, как зеркала. И приглашение.

«Закрытый ужин инвесторов. Модернизация актива „Металлург“. Присутствие обязательно».

К записке прилагалась короткая фраза, написанная тем же мелким почерком, что и в блокноте: «Будь моим лицом. Или оставайся тенью».

Выбор был прост, как выстрел. Надеть маску и выйти в свет, рискуя встретить Игоря, который сейчас там, среди своих хозяев? Или остаться в клетке, сохранить остатки безвестности и потерять шанс на месть?

Я посмотрела на ноги: после душа были видны синяки и царапины, которые раньше скрывала грязь. Затем на платье. Оно пахло чужими духами. Тяжелыми, сладкими, навязчивыми. Запахом власти.

Я выбрала платье.

Не ради Артёма. Не ради его игры. Ради себя. Я хотела посмотреть в глаза тому, кто предал меня, будучи одетой в шелк, а не в рвань. Я хотела, чтобы он увидел, что я не сломалась. Что я могу стоять прямо, даже если внутри всё трещит.

Быстро переоделась. Шелк холодно скользнул по коже, облепив тело. Туфли оказались чуть велики, но ремешок держал крепко. Я посмотрела в зеркало. Передо мной стояла другая женщина. Строгая, опасная, красивая в своей трагической бледности.

Включила телевизор, чтобы хоть немного заполнить тишину. Пошли новости местного канала. Сюжет о модернизации завода. Интервью давал Артём.

Он стоял перед стройными рядами нового оборудования, уверенный, статный, с той самой ледяной вежливостью, которая сводила с ума женщин в кабинетах директоров.

— Проект имеет стратегическое значение, — говорил он в камеру, глядя прямо в объектив, словно видел меня сквозь экран. — Мы очищаем актив от балласта. В частности, мы возвращаем к работе перспективный кадр, который был ошибочно уволен старой администрацией. Марину Волкову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.